

Феномен «постинформационного общества» как объект концептуализации

После нескольких десятилетий интенсивных разработок концепций «информационного общества», начиная с 60-х годов XX века, сегодня они всё чаще становятся объектом обоснованной критики. Речь идёт об адекватности данных концепций для описания существенных характеристик современной социальной реальности. В данной статье автор останавливается на нескольких репрезентативных примерах альтернативных концепций «постинформационного общества» в различных ипостасях, формах обозначения и описания в зарубежных и отечественных социально-гуманитарных исследованиях.

Следует отметить, что само понятие «постинформационное общество» автор использует с достаточной степенью условности, так как, хотя оно и обозначает некий обобщённый феномен, существующий во времени «пост», тем не менее, эта темпоральная спецификация не наделяет его существенными характеристиками для операционализации в качестве объекта исследования. Кроме того, большинство современных авторов предпочитают дистанцироваться от акцентуации самого понятия информации, реализуя его деконструкцию.

В период поиска средств описания специфики современного общества критика сформированной теоретической модели анализа информационного общества становится основанием развития альтернативных социальных концепций и теорий. Поэтому важно исследовать первые попытки обоснования иррелевантности разработанных моделей.

Возможность существования информационного общества в современных условиях была опровергнута ещё Ж. Бодрийяром. Главными аргументами становятся «исчезновение информации» и «смерть социального» в её классическом понимании, а также отречение от принципов построения какой-либо социальной теории. Но почему тогда Бодрийяра так часто упоминают в списке авторов, развивающих постмодернистскую концепцию «информационного» или «постинформационного» общества? Это обстоятельство обусловлено тем вниманием, которое Бодрийяр уделил анализу трансформации характера информации в современных условиях (во второй половине XX века), а также, как она воздействовала на социальную действительность.

Ж. Бодрийяр обращался не к знанию, а к информации, так как в условиях постмодернистской эпохи знание есть лишь блеклая тень и эхо информации. Потоки последней делают бессмысленным разговор о знании – растерзанное на мозаичные фрагменты, оно не преодолевает уровня информации. Эти условия порождены процессами тиражирования систем знаков СМИ, нарастанием их суггестивного воздействия, дезориентации в хаотичном информационном поле. Поэтому СМИ с их двойственным эффектом – управления и дезориентации – одновременно «наращивают производство социального» и «нейтрализуют» его¹. В результате, формируются безликие молчаливые массы, которые уже не способны декодировать сообщение, наслаждаясь зрелищностью совокупности знаков: «массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью». Парадоксальный вывод делает Бодрийяр – в современном обществе «исчезает информация», информирование аннигилирует информацию, уничтожает её, замещая «знаковыми бомбардировками»².

Действительно, реальность, которую обрисовал Бодрийяр, скорее можно маркировать не как «информационную», а «постинформационную», так как автор анализировал кризисные и утрашающие последствия экспансии технологических средств массового производства информации. Трагичное следствие – «смерть социального». Поэтому сложно назвать описание этих процессов моделью реконструкции конкретного типа общества. И если уж пытаться каким-нибудь образом маркировать дескрипции Бодрийяра касательно современной ситуации, то скорее к ним приложима его метафора «постинформационного симулякра».

Представители постмодернистской философии дистанцируются от претензий построения социально-философской теории, аналитических схем исследования общества в целом. Тем не менее, постмодернистские работы маркируют состояние современного общества под воздействием трансформации функций, характера структуризации информации и знания, способов их производства и трансляции.

Известный американский юрист Лоуренс Лессиг, создатель лицензии СС (Creative Commons) как альтернативы копирайту, в своей работе «Свободная культура», вышедшей в свет в США в 2004 году, обрисовал картину новой реальности – «разрешительной культуры»³, которая конституируется с развитием законодательной системы копирайта. Тем

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. / Пер. с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург, 2000. С. 74.

² Там же. С. 15.

³ Лессиг Л. Свободная культура – М.: Прагматика культуры, 2007. С. 30.

самым создаются преграды для развития «свободной культуры», поддержки творческих личностей, развития инноваций, науки и искусства, для свободной трансляции и распространения общественно полезной информации. Лессиг не выступает за «свободную культуру» без собственности, а предлагает установить баланс между двумя типами прав, запрещающими и разрешающими свободное распространение информации (copyleft and creative commons). Однако это – лишь перспектива, реализация которой ещё остаётся под вопросом. Реальность же, в которой мы сейчас живём, согласно Лессигу, уже нельзя столь однозначно обозначить как информационное общество по сравнению с первым этапом внедрения и распространения сети интернета. Сама идея свободного распространения информации с помощью интернета сегодня опровергается практикой, границы объёма бесплатной информации значительно сократились за последние годы. Так, например, «в связи с тем, что периодика становится электронной, издатели требуют, чтобы библиотеки не предоставляли публике доступ к журналам. Это означает, что свободы, обеспечивавшиеся печатными изданиями в публичных библиотеках, начинают утрачиваться. Таким образом, в сфере конфиденциальности, как и в сфере программного обеспечения, меняющиеся технологии и рынок сокращают свободы, до того существовавшие априорно». Поэтому сегодня, согласно Лессигу, речь идёт о необходимости постановки задачи «реставрации свободной культуры»⁴.

Обращаясь к отечественным критическим исследованиям концепции «информационного общества» как неадекватной для описания современных реалий, остановимся на работах В. В. Савчука, В. Л. Иноземцева и В. Г. Горохова.

Анализируя понятие «постинформационного общества», В. В. Савчук поставил закономерный вопрос относительно того, в какой степени возможно использовать приставку «пост» и в каком значении, если в современном обществе информация, хотя и в фрагментарных формах, хаотичных потоках, но всё же остаётся «онтологическим условием» существования общества. Савчук даёт собственное определение «постинформационного общества», выделяя такие его характерные признаки как «реанимирование полноты событийности», «воскрешение контекста», переоценка «топологической, ландшафтной и внутрисобытийной

⁴ Лессиг Л. Свободная культура – М.: Прагматика культуры, 2007. С. 250.

информации», «реинкарнирование коммуникации с другим», актуализация потребности в медленных ритмах социальной жизнедеятельности⁵.

Иноземцев разрабатывает теорию «постэкономического общества» (понятие впервые было введено американским футурологом Г. Каном) как альтернативу теориям «постиндустриального» и «информационного общества» (последняя, согласно Иноземцеву, является разновидностью теории «постиндустриального общества»). Постэкономическое общество – «такой тип социального устройства, где хозяйственная деятельность человека становится всё более интенсивной и комплексной, однако не определяется более его материальными интересами, не задаётся традиционно понимаемой экономической целесообразностью»⁶.

Согласно Иноземцеву, в центре постэкономического общества находится творческая личность, стремящаяся к самосовершенствованию, самовыражению и самореализации. Товарно-денежные отношения уходят на второй план. Об утрате центральной роли товарно-денежных отношений в организации трудовой деятельности писал уже Дж. Гэлбрейт в работе «Новое индустриальное общество». Однако лидирующее место в его концепции продолжала занимать техноструктура как иерархия специалистов и управленцев корпорациями.

В. Л. Иноземцев отвергает продуктивность обозначения современного общества как постиндустриального или информационного, так как это – понятия-абстракции «очень высокого порядка», которые ничего не проясняют, не фиксируют специфики, и как следствие, не являются эффективными средствами концептуализации. В действительности основания нового типа общества закладывают не столько «новые технологии или знания (это, выражаясь математическим языком, необходимое условие), сколько изменение самого человека, обретение им качественно новой мотивации (достаточное условие)»⁷.

В. Г. Горохов предложил назвать новый тип социальной реальности «пост-информационным обществом» или «обществом не-знания» и обосновывает целесообразность введения этого обозначения ввиду избытка информации, циркулирующей сегодня в социальном пространстве. В качестве основных характеристик «общества не-знания» В. Г. Горохов

⁵ Савчук В. В. Человек постинформационного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 1998. – Вып. 3. – С. 18 – 23; Савчук В. В. Конверсия искусства. – СПб.: Петрополис, 2001.

⁶ Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. С. 25.

⁷ Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество. // Общественные науки. – №3. – 2001. С. 151.

выделил: смещение ориентации научных исследований на рыночные потребительские запросы («контекст применения становится конституирующим по отношению к процессу производства»⁸); все более интенсивную редукцию функций науки к прагматическим, инструментальным и коммерческим; трансформацию «эпистемологического ядра» науки под воздействием внешних рыночных критериев и стандартов, конституируемых совокупным спросом. В этих условиях перед наукой появляется дополнительная задача – не только производство знаний, но и их распространение, тиражирование, обеспечение доступности их каждому. Но тогда возникает вопрос относительно формы этой доступности, создания нескольких уровней трансляции научного знания с целью перевода новых научных знаний на тот язык, в частности обыденного познания, который будет доступен освоению без специальной образовательной подготовки. При поиске ответа на этот вопрос мы сталкиваемся с двойной проблемой, зафиксированной Гороховым. Если эти разнообразные уровни и формы трансляции знаний не создаются, тогда нет средств, условий и возможностей «для преодоления господства технократии и экспертократии»⁹, соответственно, нет оснований развития демократического общества. Если же попытаться переводить научные знания на обыденный язык, то возникает сложность в поиске адекватных и релевантных форм обыденного языка, которые бы не исказили и не профанизировали науку, но проясняли и разъясняли. Возможно ли это? Ведь необходимо транслировать не то, что захочет и сможет осознать покупатель «научной информации», но то, что было создано или открыто учёными, к тому же необходимо учитывать зачастую спорный и изменчивый характер самих критериев научной рациональности на различных этапах её эволюции. Неспособность осознать эти две опасности приводит к деградации науки, и прежде всего фундаментальной науки, в современном обществе. Именно положение современного общества на распутье между двумя этими вопросами, требующими незамедлительных решений и принятия мер, даёт возможность В. Г. Горохову обосновать релевантность названия «общество не-знания» современным реалиям.

Не успев окрепнуть и сформироваться, концепция «информационного общества» оказалась объектом обоснованной критики. Постепенно уходя на периферию социальной теории, она оставила временную лауну в описании

⁸ Горохов В. Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания. // Вопросы философии. – 2007. – № 12. С. 68.

⁹ Горохов В. Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. – 2007. – № 12. С. 72.

специфики современного общества. Одной из альтернативных социальных концепций, предложенных в последнее десятилетие, стала концепция «креативного общества», развиваемая такими авторами как Дж. Хоукинс, Р. Флорида, Ч. Лэндри, Т. Коуэн, С. Лэш, Р. Кэйвс, Т. Флю, Дж. Хартфилд, Д. Хесмондхальг, Дж. Оконор, П. Рэй, Л. Накамур, К. Зельтцер и др. Однако маркировать все эти работы единой концепцией «креативного общества» можно лишь условно со значительными оговорками, ввиду того, что не все авторы используют именно это понятие. Кроме того, и это наиболее существенно, большинство работ носят скорее эмпирическо-прикладной характер описания специфики современного общества или отдельных его аспектов, сфер.

Сами концептуальные основания мы можем эксплицировать лишь опосредованно, вследствие обобщения и сравнения гипотез и выводов данных авторов. Все они сходятся во мнении, что детальный анализ моделей информационного общества позволяет сделать вывод об их частичной адекватности специфике современных социальных реалий. Речь идёт прежде всего о том, что эти модели не отражают трансформирующееся положение и роль личности в обществе, стремящейся к творческой самореализации, а также культуры в целом в новых социальных, политических и экономических условиях. Для того чтобы осознать и изучить эти изменения, необходимо обратиться к исследованию генезиса и развития нового доминирующего сектора экономики – креативной индустрии. Подобно тому, как в середине XX века философы и социологи обратили внимание на конституирование и рост информационного сектора экономики, его воздействие на всю социальную реальность, создали теоретические модели описания и оценки этих процессов, сегодня возникает насущная потребность в создании аналитических конструкций и схем исследования креативной индустрии, её влияния на все сферы человеческой жизнедеятельности.

Понятия «креативной индустрии» и «креативной экономики» сегодня только входят в научный оборот, всё чаще становясь объектом специального изучения. Однако явная параллель с понятиями «информационного общества» и «информационной экономики» иногда подталкивает многих авторов к построению новой концепции по аналогии с моделью концепции «постиндустриального» и «информационного общества». С философско-методологической точки зрения здесь спрятана ловушка формы. Возможно ли создание новой социальной концепции по структурной кальке предыдущей? Однако на первом этапе сама попытка экспликации концептуальных оснований и перспектив конституирования новой социальной концепции на базе имеющихся прикладных исследований может

быть реализована первоначально с помощью моделей информационного общества, несмотря на их частичную содержательную релевантность современным реалиям развитых стран.

В подобного рода критике концепций «информационного общества» просматривается двойной позитивный эффект. Во-первых, имеется уже определённый теоретико-методологический фундамент, на базе которого можно предложить развитие новой концепции. Во-вторых, вскрытие недостатков предыдущей концепции уже в определённой мере задаёт очертания новой формы альтернативной концепции.

В этих условиях перед социальной философией и социологией стоит задача реализации анализа реальных политических и экономических стратегических программ реформирования управления различными сферами общественной жизни. Оценка недостатков, эффективности и перспектив развития этих программ позволит преодолеть абстрактный уровень спекуляций и построить адекватную реалиям операциональную концепцию, обладающую практическим потенциалом. В результате, роль самой социальной философии будет вновь актуализирована на подиуме разворачивающихся политических и экономических баталий.

Следует отметить, что конституирование альтернативных концепций «постинформационного общества» задаёт координаты не только описания специфики современных социальных процессов, но и детерминирует аксиологические параметры оценки этого развития. Тем самым, социальные науки, критикуя с разных позиций уже существующие концепции «информационного общества», выступают в качестве дальновидных врачей, вскрывающих болезненные точки социального организма на первоначальной стадии его болезни.

Таким образом, на сегодняшний момент любая попытка построения концепции «постинформационного общества» является лишь временным переходным этапом от концепции «информационного общества» к одной из альтернативных. Эти процессы происходят в период критики содержания концепций «постиндустриального» и «информационного общества» при одновременно вынужденном принятии их теоретико-методологического базиса. Само понятие «постинформационное общество» в этом контексте не является эффективным ни в дескриптивном, ни в операциональном смысле. Сегодня очевиден крен в сторону отказа от акцентуации понятия информации в качестве центрального в описании существенных характеристик современной социальной реальности. На основании этой тенденции можно сделать вывод, что понятие «постинформационное общество» также становится объектом критики и является временным

маркером в период конституирования альтернативных концепций описания современных социокультурных реалий.